

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 16

С.В. Охотникова

**«ЯСАЧНЫЕ ЧУВАШИ»
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2014 год

Чебоксары 2014

УДК 908
ББК 26.89
О – 92

Научный редактор *Г.А. Николаев*

Охотникова С.В.

«Ясачные чувашаи»: некоторые итоги и задачи изучения / С.В. Охотникова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2014. – 38 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).

В работе проведен анализ существующих гипотез по различным аспектам проблемы «ясачных чувашей» Казанского края, подведены основные итоги ее исследования и намечены перспективы изучения.

© С.В. Охотникова, 2014
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2014

ВВЕДЕНИЕ

«Наследие прошлого – проблема настоящего» – эта мысль вполне актуальна и для современного этапа многолетней борьбы за болгарское наследие между казанскими и чувашскими исследователями. Пожалуй, во многом причинами столь затяжного процесса стали «советская идеология и основанная на ней практика национально-государственного строительства», которые «политизировали этничность, тесно связав ее с административными образованиями»¹. Отголоски их влияния чувствуются и в исследованиях настоящего времени, поэтому для современного ученого столь необходимым качеством является сохранение объективного «взгляда со стороны», абстрагированного от идеологии, групповых и национальных интересов.

Определение этнической, религиозной и языковой принадлежности, социально-экономического положения, численности и территории расселения «ясачных чувашей» Казанского края, упоминаемых в русских источниках XVI – первой половины XVII в., было и остаётся одной из узловых проблем в изучении средневековой истории чувашского и татарского народов. Её значимость становится всё очевиднее по мере роста интереса общества к наследию предков.

Цель данного доклада – рассмотреть основные результаты многолетних трудов исследователей дореволюционного и советского периодов по различным аспектам проблемы «ясачных чувашей», осветить современное состояние разработанности данной темы и выявить перспективы ее дальнейшего изучения.

Проблема этнической, языковой и религиозной принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края тесно переплетена с вопросами этногенеза чувашей и татар. Это обусловлено тем, что завершающий этап формирования чувашской народности протекал в рамках Казанского ханства. Поскольку литература об этногенезе чувашского и татарского народов весьма многочисленна и рассмотрена в ряде работ историографического характера², постольку в рамках данного доклада ограничимся освещением трудов, содержащих суждения об этнической принадлежности «чувашей», проживавших на левобережье и правобережье Волги в XIV–XVII вв.

1. «ЯСАЧНЫЕ ЧУВАШИ»: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Дискуссии по вопросу этнической идентификации

Интерес к происхождению группы населения Казанского и Свияжского уездов, известной под названием «ясачные чуваши» (в документах «ясачная чюваша»), наблюдается в историко-этнографических исследованиях XIX в. В трудах К.С. Мильковича³, С.М. Михайлова (Яндуша)⁴, И.Н. Юркина⁵ чуваша названы потомками болгарского населения Казанского ханства. Среди этнографов конца XIX – начала XX в., занимавшихся изучением истории народов Среднего Поволжья (В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров), преобладала точка зрения о болгарском происхождении чувашского народа. Основываясь на сравнительном анализе этнографических и языковых материалов, В.К. Магницкий впервые предпринял попытку (хотя и безуспешную) выявить этнических чувашей среди массы поволжских народов, упоминаемых в источниках XVI–XVII вв. под собирательным именем «татарь»⁶.

Точки зрения о финской принадлежности чувашей Казанского ханства придерживались Н.А. Фирсов⁷, Г.И. Перетяткович⁸ и М.Н. Пинегин⁹. На формирование взглядов татарских ученых на проблему «ясачных чувашей» большое влияние оказали идеи Ш. Марджани о принадлежности чувашей к финно-угорским народам¹⁰. В 1970-х гг. теория о финно-угорском этногенезе чувашского народа была поддержана казанским археологом А.Х. Халиковым¹¹.

Новый виток в обосновании автохтонного происхождения чувашского населения Казанского ханства был спровоцирован постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Концепция болгарского происхождения казанских татар, ставшая основой исследований большинства татарских историков, являлась большим препятствием на пути объективного и достоверного освещения истории чувашского народа, так как выделяла большей частью этнические различия чувашей и татар, уделяя минимум внимания их родству.

Часть исследователей 1940–1950-х гг. (С.Е. Малов, М.Н. Тихомиров, В.Г. Егоров, Н.А. Андреев и др.) склонялась к мнению о болгарском этногенезе чувашей с включением финно-угорского элемента. Привлечение археологических и этнографических материалов позволило П.Н. Третьякову и Н.И. Воробьеву¹² сделать вывод о формировании чувашского народа в ходе смешения местных

финских племен с болгарским этносом, отметить родственную связь чувашей с казанскими татарами. Важным для объяснения различий культуры и языка чувашского и татарского народов является положение П.Н. Третьякова о проникновении в XIII – первой половине XVI в. в среду предков татар печенежско-огузских и кипчакских элементов и практически их полном отсутствии в среде предков чувашей¹³. В исследованиях И.П. Панькова развиваются взгляды о суварском этногенезе чувашей, протекавшем с участием марийцев, и преобладании кипчакского элемента в происхождении татар. При этом автором подчеркивается общность болгарского наследия для чувашского и татарского народов¹⁴.

Новая веха в изучении этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края началась с появлением во второй половине 1950-х гг. затрагивающих эту тему публикаций В.Д. Димитриева¹⁵ и И.Д. Кузнецова¹⁶, взгляды которых легли в основу исследований большинства последующих чувашских историков. Во многом ученые были солидарны с выводами И.П. Панькова о многокомпонентности слагаемых чувашской народности. Основным компонентом этнического синтеза чувашей они обоснованно считали не только племя сувар, а всю болгаро-суварскую общность. Термин «ясачные чувашаи», употребляемый относительно податного населения Казанского ханства, В.Д. Димитриев относил только к этническим чувашам, то есть считал этнонимом. По мнению ученого, потомки левобережных болгар и в XVI–XVII вв. назывались чувашами и лишь позднее слились с татарами¹⁷.

В начале 1960-х гг. в полемику с чувашскими исследователями вступил казанский историк Е.И. Чернышев, придававший термину «ясачные чувашаи» значение всего тяглого нерусского населения Казанского края, включая некоторую часть татарского этноса¹⁸. В 1970-х гг. его последователем являлся исследователь писцовых книг Казанского уезда 1602–1603 гг. И.П. Ермолаев¹⁹.

С новой силой дискуссия по вопросу этнической принадлежности «ясачных чувашей» между чувашскими и татарскими учеными разгорелась в 1980–1990-х гг., с выходом в свет исследований Д.М. Исхакова, содержащих основательную критику аргументов предшественников (В.Д. Димитриева, Е.И. Чернышева, Г.Ф. Саттарова и др.) по данной проблеме²⁰. Согласно версии Д.М. Исхакова, под наименованием «ясачные чувашаи» в документах XVI–XVII вв. фигурировали не только казанские татары, но и часть чувашского этноса. Причину бытования данного термина историк

видит в возможном существовании переходного этнического состояния между чувашами и татарами на правобережье Волги в XVI – начале XVII в.²¹

Своеобразным «ответом» на критические замечания казанского исследователя стали основанные на многочисленных и разнообразных источниках работы чувашских ученых – археологов В.Ф. Каховского и Б.В. Каховского, языковедов М.Р. Федотова, Н.И. Егорова, литературоведа В.Г. Родионова, этнографа В.П. Иванова, призванные укрепить доказательную базу тезиса о чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей» Приказанья и Заказанья. Чуваша-язычники, по мнению авторов, переселились с этих территорий к своим собратьям на правобережье Волги и в Закамье²². Дополняя аргументацию В.Д. Димитриева этнографическими свидетельствами, В.П. Иванов утверждает, что в 1565–1568 гг. «чуваша» пяти даруг Казанского уезда были собственно чувашами же и лишь в XVII в. отатаренные чуваша стали именоваться «ясачными татарами»²³.

С началом XXI в. бескомпромиссные споры татарских и чувашских исследователей, характерные для предыдущих периодов изучения поставленной проблемы, стали сменяться конструктивным диалогом и поиском точек соприкосновения, все чаще стали слышны призывы к признанию общности болгарского наследия и исторического прошлого для двух этносов.

Если в трудах В.Д. Димитриева²⁴ по-прежнему содержится обстоятельная критика взглядов казанских ученых, то в работах В.П. Иванова и Н.И. Егорова прослеживается стремление к поиску «золотой середины», позволяющей сблизить позиции татар и чувашей по многим моментам. Так, в одном из последних исследований Н.И. Егоровым сделано следующее заключение: «В целом, с мнением Д.М. Исхакова относительно того, что “в ясачных чувашах” XVI–XVII вв. и “бесерменах” XIV–XV вв. надо видеть этносословную группу, в формировании которой основную роль сыграли болгары, скорее всего включившие в свой состав и перешедших к оседлости кыпчаков, а также других тюрков...”, я вполне солидарен, но с одной небольшой оговоркой: применение термина “этносословная группа” ни к XIV–XV вв., когда Казанского ханства как такового еще не было... ни тем более к XVI–XVII вв., когда Казанского ханства уже не стало, а термин “ясачная чуваша” появился на русской почве, не совсем корректно. Поэтому будет гораздо правильнее, если “бесермен” и “чувашей” будем считать профессиональными группами единого

постзолотоордынского болгарского этноса»²⁵.

Схожее мнение, исходя из предположения, что в период существования ханства еще не произошло слияния болгар с пришлыми ордынскими татарами и, следовательно, не сформировался единый этнос казанских татар, выразил марийский историк А.Г. Бахтин. Он относит «ясачных чувашей» Казанского ханства к «позднебулгарскому крестьянскому населению, которое, как и в период Золотой Орды, продолжало выплачивать ясак уже новому казанскому правительству»²⁶.

На современном этапе в обсуждение вопроса об этнической принадлежности «ясачных чувашей» активно включились башкирские исследователи. Согласно их концепции, потомками сувазов являлись две группы чувашей Казанского края: 1) предки казанских татар – левобережные чувашаи-мусульмане, составлявшие основное население Казанского ханства и принявшие имя «татары» не ранее конца XIX в.; 2) предки современных чувашей – правобережные чувашаи-язычники²⁷.

Со второй половины 1950-х гг. у исследователей проявился интерес к проблеме этнической принадлежности чувашей, расселенных в пределах Арской даруги Казанского ханства. Прослеживая в истории «арских чувашей», проживавших в XV–XVI вв. в бассейне р. Чепцы, аналогии с историей бесермян, В.Д. Димитриев относил бесермян к «обудмуртившимся чувашам»²⁸. Мнение о болгарских корнях бесермян было поддержано М.Н. Тихомировым²⁹ и Т.И. Тепляшиной³⁰. Согласно гипотезе М.В. Гришкиной и В.Е. Владыкина, чувашаи Арской земли были родственны бесермянам, проживавшим в XVI – начале XVII в. в бассейне р. Чепцы, и представляли собой тюркизированное южноудмуртское население³¹. Д.М. Исхаков, напротив, считает основой бесермян волжских болгар, проникших в бассейн р. Чепцы не позже первой четверти XIV в., или «арских чувашей», перешедших с территории Казанского ханства во владения арских князей в первой половине XVI в., в состав которых не ранее XVII в. влился южноудмуртский компонент³².

1.2. «Ясачные чувашаи»:

сословная и социально-экономическая составляющие

Социально-экономическое положение «ясачных чувашей» получило краткое освещение в многочисленных работах отечественных историков. Ошибочными мнениями, не имеющими обоснования, являются именование К.С. Мильковичем³³ чувашского

населения ханства кочевниками и утверждение Г.И. Перетятковича³⁴ о полукочевом образе жизни чувашей до их вхождения в состав России. Позиции Н.А. Фирсова³⁵ и Г.И. Перетятковича³⁶ расходились в вопросе принадлежности татар к тягловому люду: если первый был убежден в зависимом положении некоторой части татар³⁷, то второй относил татарское население к господствующему классу³⁸. Кроме того, Н.А. Фирсов, ссылаясь на «аристократический склад государства», был убежден, что податной люду ханства «далеко не был так угнетен, как можно было думать»³⁹. Мнение Г.И. Перетятковича о принадлежности татар Казанского ханства к аристократическому слою, а местных инородцев – к податному разделял Н.А. Спасский⁴⁰. О подчиненном положении чувашского населения по отношению к татарам, существовавшем до середины XVI в., писали в своих исследованиях М.Н. Пинегин⁴¹ и Н.В. Никольский⁴².

Особенный интерес социально-экономическое положение податного сословия Казанского ханства представляло для исследователей советского периода. Взгляды Н.А. Фирсова о принадлежности части татар к ясачному населению получили развитие в работах еще одного казанского историка – М.Г. Худякова⁴³. Оригинальностью отличаются суждения Г.С. Губайдуллина (Г. Газиза)⁴⁴ и Г. Исхаки⁴⁵, относивших чувашское население ханства к полноправным гражданам, пользовавшимся полной свободой в области религии и культуры. Чувашским исследователем Д.П. Петровым высказано противоположное мнение: в Казанском ханстве татары жили за счет угнетенного чувашского населения, занимавшегося земледелием⁴⁶. Взгляды о подчиненном положении чувашей в ханстве и о «грабительском собирании ясака татарскими феодалами» разделяли знатоки русских летописей и других документов XVI столетия М.Н. Тихомиров⁴⁷ и В.В. Мавродин⁴⁸, а также историк Т.Г. Гусев⁴⁹.

Придерживаясь тенденций татарской историографии 1950-х гг., Н.Ф. Калинин утверждал, что значительная часть казанских татар являлась ясачными людьми. При характеристике положения подчиненных ханству народов историк отметил, что казанские феодалы управляли чувашами, мари, удмуртами, мордвой и башкирами, «грабя и жестоко притесняя их»⁵⁰. В противовес его взглядам Ш.Ф. Мухамедьяров относил к податному населению ханства, обложенному ясаком и многочисленными повинностями, только удмуртское, марийское и чувашское население. Татары, согласно привлеченным им летописным сведениям, стали ясачными лишь в составе России⁵¹. Это мнение разделял и И.П. Паньков,

писавший о существовании покоренных народов, входивших в состав ханства, в условиях жестокого социального гнета со стороны татарской феодальной знати⁵².

В работах первой половины 1950-х гг. В.Д. Димитриев⁵³ и Н.И. Воробьев⁵⁴ относили часть татарского населения Казанского ханства к «черному люду». Начиная со второй половины 1960-х гг. В.Д. Димитриев стал утверждать, что татары в ханстве составляли класс феодалов различного ранга и большинство из них относилось к мелким служилым людям – казакам, а ясачное население состояло из крестьян нетатарских народов (в том числе чувашей)⁵⁵. По мнению историка, часть татарских казаков была переведена в ясачных людей уже в составе Русского государства⁵⁶. Данная точка зрения получила дальнейшее обоснование и развитие в последующих трудах В.Д. Димитриева и стала фундаментом для исследований следующего поколения чувашских ученых.

Среди казанских историков 1960-х гг. по вопросу принадлежности некоторой части казанских татар к «ясачным чувашам» единогласия не наблюдалось. Так, Е.И. Чернышев⁵⁷ и И.П. Ермолаев⁵⁸ полагали, что наименование «ясачные чувашаи» являлось соционимом, присвоенным ясачным татарам служилой группой, не имевшим этнического значения и обозначавшим категорию ясачного населения в целом. Р.Н. Степанов, напротив, относил татар к служилым людям, а чувашей – к ясачному населению⁵⁹.

На современном этапе казанские историки Д.М. Исаков, И.Л. Измайлов, Р.Ф. Галлямов, относя к податному сословию подавляющее большинство татарского населения Казанского ханства, придерживаются мнения об этнословном содержании термина «ясачные чувашаи»⁶⁰. В противовес им А. Каппелер поддерживает взгляды В.Д. Димитриева об отсутствии ясачных татар в ханстве и их появлении только в составе Русского государства, однако выражает согласие с тем, что в источниках XVI–XVII вв. «ясачными чувашами» часто назывались и этнические татары⁶¹. А.Г. Бахтиным сделан вывод об обложении ясаком всего нетатарского населения Казанского ханства⁶². Башкирские исследователи делят население ханства на две страты: оседлые земледельцы-чувашаи и тонкий господствующий слой, состоявший из представителей кочевых тюрко-монгольских племен⁶³.

1.3. Конфессиональная принадлежность

Религиозная принадлежность «ясачных чувашей» Казанского края в XV – первой половине XVI в. также является предметом

постоянных дискуссий. Исследователи XIX в. К.С. Милькович⁶⁴, С.М. Михайлов⁶⁵, И.Н. Юркин⁶⁶ считали чувашей язычниками, вплоть до крещения сохранившими свои верования. Чувашские этнографы отметили существование в период ханства тенденции к омусульманиванию и последующему отатариванию чувашского населения. Так, по мнению С.М. Михайлова, чувашаи до походов на Казань «скрывались у летописцев русских под именем татар, с которыми они проживали несколько веков в Казанском ханстве, и многие женились на их дочерях и переходили в мухаммеданскую веру, равно и татары в старину, соединяясь с чувашами, женились на дочерях сих последних, так что ныне найдется несколько деревень чуваш, происшедших от татар, и татар, происшедших от чуваш»⁶⁷. И.Н. Юркиным высказана точка зрения, что «татары, живущие на территории бывших Булгарского и Казанского царств, не потомки татар-монголов ... а лишь магометане-чувашаи»⁶⁸.

Н.А. Фирсов⁶⁹ и Г.И. Перетяткович⁷⁰ солидарны во мнении о сохранении большей частью чувашей языческих верований, хотя не отрицают принятие некоторой частью народа ислама. Мнение о принадлежности чувашей к мусульманской умме отстаивал татарский историк Ш. Марджани⁷¹.

Венгерский тюрколог Д. Месарош, отметив значительное влияние ислама на языческую веру чувашей, пришел к выводу, что «большая часть народа когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагоприятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась, и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством»⁷².

К началу XX в. в работах В.К. Магницкого, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова утвердился тезис об отатаривании чувашей посредством ислама. В ходе изучения данной проблемы В.К. Магницким был сделан вывод, что татары, известные у марийцев под названием «суас», являются отатарившимися чувашами⁷³. Процесс распространения ислама среди чувашского населения Казанского ханства прослежен в трудах Н.В. Никольского⁷⁴. По мнению Г.И. Комиссарова, чувашаи, относившиеся к привилегированному классу в Казанском ханстве, исповедовали ислам и именовали себя татарами, тогда как представители низшего класса (ясачные чувашаи) оставались язычниками⁷⁵.

В советский период тезис об отатаривании чувашей получил развитие в трудах М.Г. Худякова. Отрицая насильственное обращение

инородцев в мусульманство, историк сделал верный вывод об отатаривании и ассимиляции жителей инородческих, в том числе и чувашских, деревень, перешедших в ислам⁷⁶. К сходному мнению после анализа переселений чувашей в XV–XVI вв. пришел Д.П. Петров, писавший об ассимиляции татарами части чувашей, оставшейся на левобережье Волги⁷⁷.

Несколько иных взглядов придерживался языковед В.Г. Егоров, писавший о насильственной исламизации и отатаривании чувашского населения в составе Казанского ханства, угрожавших существованию чувашей как отдельного этноса⁷⁸. На основании выявленных болгарских и чувашских языковых совпадений Н.А. Андреев считал необходимым признать болгарские надгробные памятники чувашскими (сувазскими), «принадлежавшими тем представителям народа чуваш (суваз), которые приняли ислам и отатарились»⁷⁹.

И.П. Паньковым также было высказано мнение о насильственном распространении ислама среди населения ханства с целью его окончательного подчинения, вопреки которому значительная масса чувашей продолжала придерживаться языческой веры. Мусульманами историк считал чувашскую феодальную «верхушку», которая позднее слилась с татарской знатью⁸⁰. Не только религиозную, но и сословную подоплеку выделения татар как особой народности от болгаро-чувашей видели также В.Д. Димитриев⁸¹ и И.Д. Кузнецов⁸². В.Д. Димитриевым прослежен процесс постепенной трансформации массы левобережных чувашей в татар. Историк утверждает, что ассимиляция болгаро-чувашей кыпчаками-татарами путем распространения ислама и языка кипчакского типа началась с XIII в., усилилась с образованием Казанского ханства и достигла пика после вхождения левобережных чувашей в состав России⁸³.

По мнению Н.И. Воробьева⁸⁴ и И.Д. Кузнецова⁸⁵, в период существования ханства чувашаи испытывали религиозные притеснения и оказывали упорное сопротивление попыткам насаждения в их среде ислама. Помимо религиозного фактора причиной отатаривания значительной части чувашского населения в XV–XVI вв. Н.И. Воробьев считал сильное татарское влияние в бытовом и языковом отношении. В качестве примера отатаренной группы этнических чувашей им названы молькеевские кряшены⁸⁶. Наиболее полно и основательно данная точка зрения на основе историко-этнографического материала была изложена П.В. Денисовым, утверждавшим, что насильственное распространение ислама, а также усвоение чувашами татарского языка привели к тому, что не только

феодалная знать, но и сельское население постепенно отатаривались⁸⁷. Мнение о постепенной мусульманизации населения в Казанском ханстве и отатаривании чувашской феодалной знати, стремившейся упрочить свое положение, разделяли археологи В.Ф. Каховский⁸⁸ и Е.П. Михайлов⁸⁹. А.Х. Халиков признавал факт происходившей в XV–XVI вв. «этнической ассимиляции и мусульманизации» марийского и чувашского населения, «проживавшего на окраинных землях ханства»⁹⁰.

Религиозный аспект изучаемой проблемы является поводом для дискуссий и в современном научном сообществе. На единичных фактах, имеющих место в источниках XVII в., основано утверждение Д.М. Исхакова об исповедовании всеми «ясачными чувашами» Казанского края в XVI в. ислама⁹¹. Мнения о принятии к XVI в. значительной частью чувашского населения левобережья Волги и Приказанья ислама «на уровне мусульманско-языческого синкретизма» придерживается Л.Ю. Браславский⁹².

Интерес представляет мнение Н.И. Егорова о принадлежности «чувашей» и «бесермен» Казанского ханства к разным конфессиональным группам (язычникам и мусульманам соответственно) болгарского этноса⁹³. На мусульман левобережья и язычников правобережья Волги чувашей Казанского края разделяют башкирские историки⁹⁴.

1.4. Языковой аспект проблемы

Большой интерес для исследователей истории народов Среднего Поволжья представлял и продолжает представлять вопрос языковой принадлежности «ясачных чувашей». Первой, хотя и ошибочной, попыткой его решения является предположение К.С. Мильковича о происхождении чувашского языка от смешения сарматского языка с татарским⁹⁵.

В 1940–1950 гг. сравнение чувашского и татарского языков, в результате которого чуваша были названы «потомками болгар по языку», было проведено языковедами С.Е. Маловым и В.Г. Егоровым. На основании лингвистических данных С.Е. Малов пришел к выводу о существовании в Средневековье на территории современного Татарстана двух исконных тюркских языков – татарского и чувашского⁹⁶. В.Г. Егоров признавал, что «современная лексика чувашского языка в своей тюркской части в основном почти вся болгарская», а решающую роль в формировании татарского языка сыграли пришлые ногайцы, куманы и крымские татары⁹⁷. К схожим

выводам пришел в своих исследованиях И.П. Паньков, отмечавший, что «чувашский язык, существовавший раньше в виде диалекта болгарского языка, в XIV–XV вв. постепенно превращался в самостоятельный язык»⁹⁸.

Большой вклад в установление языковой принадлежности чувашей Казанского края внесен языковедами, вступившими в полемику с татарскими учеными – сторонниками болгарского этногенеза татарского языка и народа. Б.А. Серебренников⁹⁹ и Н.А. Андреев¹⁰⁰ склонялись к мнению, что чувашский язык сформировался в результате видоизменения языка камских болгар под влиянием языка местных финно-угорских, главным образом марийских, племен, проживавших на территории северных и восточных районов Чувашии и северо-западной части Татарстана. Основой татарского языка Б.А. Серебренников обоснованно считал тюркский язык кыпчакского типа. И.Д. Кузнецов находил чувашский язык языком волжских болгар, причем «языком не только разговорным, но и письменным, счетоводным»¹⁰¹.

Основываясь на комплексном анализе многочисленных источников, В.Ф. Каховский утверждал, что в Казанском ханстве «из трудового населения кыпчакский язык восприняли прежде всего те, кто исповедовал ислам; болгарское население левобережья постепенно отатаривалось». Различия в диалектах чувашского языка автор объяснял особенностями языка предков чувашей – болгар (окающий говор) и сувар (укающий говор)¹⁰².

Подробный анализ топонимических и антропонимических материалов Казанского уезда позволил языковедам Г.Ф. Саттарову¹⁰³ и М.И. Скворцову¹⁰⁴ сделать вывод о возможности их истолкования исключительно на чувашской базе. Данный факт, по мнению ученых, свидетельствует о сохранении частью болгарского населения, именуемой в XVI – середине XVII в. «ясачными чувашами», языка чувашского типа.

По версии М.И. Ахметзянова, основанной исключительно на данных эпиграфических памятников, основная масса болгар бывшего Булгарского улуса в языковом отношении отатарилась уже к началу XV в., но с оговоркой, «что до начала XVIII столетия они ещё не совсем потеряли свой язык»¹⁰⁵. Выступая с критикой взглядов Г.Ф. Саттарова и привлекая косвенные источники, Д.М. Исхаков «с некоторой долей осторожности» отнес «ясачных чувашей» XVI в. к татароязычному населению Казанского края¹⁰⁶. С доводами Д.М. Исхакова не согласился знаток татарского и чувашского

языкового материала Н.И. Егоров, подчеркнувший чувашскую языковую принадлежность чувашей Казанского ханства и отнесший окончательный переход «ясачных чувашей» левобережья Волги на татарский язык к началу XVIII в.¹⁰⁷

1.5. Численность и территория проживания чувашского населения Казанского края в XV–XVII вв.

Из всех заявленных аспектов проблемы «ясачных чувашей» наиболее сложным для научного разрешения и обоснования является вопрос о численности татарского и чувашского населения, проживавшего в составе Казанского ханства. Исследователи дореволюционного периода практически его не затрагивали. Различные мнения представлены в работах советских исследователей. По мнению татарского историка 1920-х гг. Г.С. Губайдуллина, основную массу населения ханства составляли тюрки-татары, пришедшие из Золотой Орды¹⁰⁸. Н.Ф. Калинин основным населением ханства называл происшедших от болгар казанских татар¹⁰⁹. М.Н. Тихомиров, напротив, считал татарское население Казанского ханства немногочисленным и компактно проживавшим в его центральной части. Чувашей же, проживавших на территории ханства в середине XVI в., историк причислял к крупным по численности народам¹¹⁰.

Исследования В.Д. Дмитриева¹¹¹ и И.Д. Кузнецова¹¹² были направлены на доказательство положения о численном превосходстве чувашей над татарами, имевшем место на территории Казанского ханства в XIV–XV вв. По подсчетам В.Д. Дмитриева, в первой половине XVI в. в ханстве татары составляли 20 % населения, чувашаи – 50 %, марийцы, удмурты и представители других народностей – 30 %¹¹³. Особенно интенсивный рост численности татар за счет ассимиляции чувашского населения, по его мнению, происходил во второй половине XVI–XVII в., так как отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста против эксплуатации русских феодалов¹¹⁴.

На современном этапе изучения проблемы данные взгляды получили развитие в трудах В.П. Иванова, утверждающего, что «первоначально кыпчак-татар на территории Казанского ханства было немного, и они не преобладали»¹¹⁵. Увеличение численности татарского населения к середине XVI в. автор объясняет двумя факторами: 1) притоком представителей тюркоязычных групп, 2) ассимиляцией болгар-мусульман и позже болгар-язычников, то есть чувашей. По приблизительным подсчетам автора, численность чувашей к первой

половине XVI в. могла составлять 90–120 тыс. чел.¹¹⁶

Противоположных взглядов придерживался Е.И. Чернышев, который, отвергая тезис о росте численности татар в XVI–XVII вв. за счет ассимиляции проживавших на левобережье Волги чувашей, утверждал, что в самом центре этнической территории казанских татар чувашей никак не могло быть больше, чем татар¹¹⁷. Вероятно, исходя из этого положения И.Р. Тагировым без указания источников и необходимого обоснования приведены данные о том, что численность населения ханства составляла около 2,5 млн чел., из них собственно татар было не более 1 млн чел.¹¹⁸ По подсчетам сторонника тезиса о численном преобладании татар Д.М. Исхакова, к середине XVI в. численность татар в Казанском ханстве составляла от 180 тыс. до 240 тыс. (медиана – 210 тыс.)¹¹⁹, а чувашей, по предположению Б.Л. Хамидуллина, насчитывалось около 80 тыс.¹²⁰

Благодаря недавней публикации источника 1635 г., характеризующего этнический состав коренного населения Казанского ханства, новые сведения о численности чувашского населения Казанского края в первой половине XVII в. были привлечены Ю.М. Юсуповым¹²¹. Исходя из расчета 1 дом (семья) – 5 чел., автор приводит данные о проживании на территории бывшего Казанского ханства более 400 тыс. чел., $\frac{1}{4}$ часть которых составляли ясные чуваша. При этом «татар» в источнике не встречается вовсе¹²².

В литературе представлены различные взгляды о территории проживания чувашского населения в составе Казанского ханства. Ш. Марджани чувашей отнес к народам, проживавшим на периферии Казанского края¹²³. Придерживаясь его концепции, А.Х. Халиков территорией расселения «черемис» (марийцев и чувашей) считал лишь окраинные земли ханства – северные заказанские районы и волжское правобережье¹²⁴. Т.Г. Гусев и М.Н. Тихомиров полагали, что чуваша всегда жили только на современной территории Чувашии¹²⁵.

Факты обитания чувашей на левобережье Волги задолго до взятия Казани приведены Г.И. Перетятковичем¹²⁶. Мнение о том, что основные черты чувашской народности сформировались в составе Волжской Булгарии как на правобережье, так и на левобережье Волги разделяли В.Д. Димитриев¹²⁷, И.Д. Кузнецов¹²⁸, П.В. Денисов¹²⁹. В 1980-х гг. к ним присоединились Н.И. Егоров, В.П. Иванов, Б.В. Каховский, В.Г. Родионов, М.Р. Федотов¹³⁰. В.Ф. Каховский, очерчивая территорию расселения чувашей в середине XVI в., помимо правобережья Волги относил к ней и земли к западу от Свияги, где «ныне обитает татарское население – потомки

отатарившихся чувашей»¹³¹.

Наиболее четко позиция чувашских исследователей по вопросу ареала расселения булгаро-чувашей в середине XVI в. изложена в многочисленных трудах В.П. Иванова¹³². Ученым выделены две области их компактного проживания: 1) центральные и северные районы современной Чувашской Республики, 2) земли к востоку от Казани вплоть до р. Вятка, входившие в состав «Чувашской даруги» Казанского уезда. Позиция современных татарских и башкирских исследователей по этому вопросу сходна: в XV–XVII вв. основная масса «ясачных чувашей» была расселена на территории Казанского и Свияжского уездов, то есть в центральной части бывшего Казанского ханства и на правобережье Волги¹³³. По мнению Д.М. Исакова, «в Свияжском уезде наряду с интересующей нас группой имелись и этнические чувашаи»¹³⁴.

2. АРГУМЕНТЫ НА ЧАШАХ ВЕСОВ

Анализ историографии поставленной проблемы позволяет выделить три основные версии, трактующие содержание термина «ясачные чувашаи», которые вкратце можно сформулировать в виде следующих тезисов: 1) «ясачные чувашаи» – этноним, 2) «ясачные чувашаи» – соционим, и 3) «ясачные чувашаи» – конфессионим.

2.1. «Ясачные чувашаи» – этноним

В рамках первой из названных версий ее сторонниками (В.Д. Димитриевым, О.Н. Петровой, В.П. Ивановым) выдвинуты положения, каждое из которых обосновано группой аргументов. Рассмотрим все имеющиеся «за» в намеченном порядке.

Положение 1. Упоминаемые в русских источниках XVI – середины XVII в. «ясачные чувашаи» Казанского уезда являлись этническими чувашами, то есть данный термин является этнонимом.

Доводы:

1. Сам факт употребления в писцовых книгах второй половины XVI – начала XVII в. наименований «ясачные чувашаи»¹³⁵.

2. Топонимы селений «ясачных чувашей» Казанского уезда – чувашские.

3. Многие селения ясачных чувашей Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились в XVII в. в Нижнее

Закамье и до настоящего времени являются чувашскими.

4. В районах Татарстана, населенных в период Казанского ханства «чувашиами», записаны легенды, идентичные чувашским преданиям.

Положение 2. В Казанском ханстве ясачным населением являлись подчиненные татарам народы (чувашаи, марийцы, удмурты, восточная мордва, западные башкиры). Казанские татары составляли замкнутую категорию свободной социально-политической элиты, ясачных татар в ханстве не было.

Довод: многочисленную группу ясачного населения, проживавшего на левобережье Волги, ранее названные письменные источники именуют «ясачными чувашами», используя это понятие наряду с терминами «ясачные черемисы» (марийцы) и «ясачные вотяки» (удмурты)¹³⁶. Термин «ясачные татары» появляется в источниках лишь со второй половины XVII в.¹³⁷

Положение 3. До середины XVI в. основная масса чувашского населения ханства сохраняла язык чувашского типа.

Довод: названия многих деревень центральной части Казанского уезда этимологизируются на основе чувашского языка¹³⁸.

Положение 4. На территории Казанского ханства татарское население численно не преобладало. Постепенное увеличение численности татар связано с процессом отатаривания подчиненных народов. Значительная часть левобережных чувашей и чувашей в районе устья р. Свияга была отатарена за период с середины XV до XVIII в. Только с XVII в. отатаренные ясачные чувашаи стали называться «ясачными татарами».

Доводы:

1. Согласно писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг., на левобережной части Казанского ханства насчитывалось не менее 200 чувашских деревень – больше, чем татарских¹³⁹. Во второй половине XVII в. данные чувашские селения считались уже татарскими.

2. Об ассимиляции чувашского населения в составе Казанского ханства говорит тот факт, что отатаренных булгаро-чувашей удмурты продолжали называть бигерами (булгарами), луговые мари – суасами (чувашами)¹⁴⁰.

3. Анализ демографических сведений о численности чувашей и татар в XVIII–XIX вв. позволяет утверждать, что основной причиной замедления роста численности чувашей являлась их ассимиляция татарами путем исламизации¹⁴¹. Эти данные косвенно свидетельствуют о протекании процесса отатаривания и в период существования

Казанского ханства.

Вывод: «Ясачные чуваши» левобережья Казанского края, упоминаемые в источниках XVI–XVII вв. – этнические чуваша, отатаривание которых продолжалось вплоть до XVIII в.

В несколько ином виде предстает этот вывод в трактовке башкирских историков (Ю.М. Юсупов и др.): под левобережными «ясачными чувашами» они понимают этнических чувашей-мусульман – предков казанских татар, подвергшихся в XV–XVI вв. экспансии со стороны кочевых тюрко-монгольских племен, в том числе башкирских. Ученые убеждены, что «этнофолизм “татары” прижился в качестве самоназвания казанских мусульман» не ранее конца XIX в., поэтому тезис об «отатаривании» чувашей следует заменить на тезис об их «тюркизации»¹⁴².

2.2. «Ясачные чуваша» – соционим

Основной тезис сторонников социального содержания термина (Е.И. Чернышев, И.П. Ермолаев, Д.М. Исхаков, А. Каппелер), причисляющих основную массу «ясачных чувашей» к этническим татарам – представителям тяглого населения, можно разложить на четыре утверждения, объединенные в одну логическую цепь.

Положение 1. Термин «ясачные чуваша» в письменных источниках XVI–XVII вв. не имел этнического значения, а являлся социальным понятием, обозначавшим ясачное население Казанского края в целом.

Доводы:

1. Социальную верхушку Казанского ханства составили представители золотоордынской феодальной знати, в связи с этим булгары, являвшиеся одним из этнических компонентов казанских татар, оказались в подчиненном положении. Следовательно, «вряд ли можно говорить об отсутствии в XV–XVI вв. среди казанских татар представителей феодально-зависимого класса»¹⁴³.

2. Нет свидетельств того, что русская администрация, составляя писцовые и переписные книги, при определении этнической принадлежности ясачного населения Среднего Поволжья учитывала этническое самосознание.

3. Отождествление этнических реальностей XVI – середины XVII в., отражением которых могли быть этнонимы русских источников, и народов, границы которых очерчиваются в Поволжье позднее, не является правомерным. Так, этноним «черемисы» употреблялся в документах не только по отношению к марийцам, но

и для обозначения части чувашского населения¹⁴⁴.

4. При отнесении «ясачных чувашей» к этническим чувашам завершение формирования этноса казанских татар следует отнести к концу XVII в. «Данный вывод по отношению к этносу, создавшему свое феодальное государство с развитой социальной стратификацией, представляется необоснованным»¹⁴⁵.

5. Поскольку названия селений могли сохраниться и после частичной или полной смены первоначального этнического облика населения, давшего эти названия, а точная датировка появления указанных топонимов болгарского (чувашского) типа невозможна, прямое связывание их появления с «ясачными чувашами» «вряд ли правомерно» и «не выходит за рамки предположения»¹⁴⁶.

6. Среди личных имен, входивших в группу «ясачных чувашей», доминируют имена, которые сложились по лексическим и фонетическим законам татарского языка¹⁴⁷.

7. Слово «šïäš» (отсюда – чуваш) могло означать «крестьянин, земледелец»¹⁴⁸. Учитывая общность хозяйственных занятий населения центральной части Казанского ханства и правобережья Волги, этим термином могли называть как чувашей, так и часть казанских татар.

Положение 2. Хотя численность группы «ясачных чувашей» намного превышала численность группы «служилых татар», в Казанском уезде, являвшемся центром этнической территории казанских татар, чувашаи не имели численного превосходства над татарами.

Довод: анализ изменения численности татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII–XIX вв. показывает, что его прирост можно считать близким к естественному и почти совпадающим с общероссийскими показателями. Таким образом, изучение этностатистических источников для реконструкции демографической ситуации в XVI–XVII вв. «никаких заметных скачков в численности татар в период между XVI–XVII и XVIII вв. не обнаруживает»¹⁴⁹, что противоречит утверждению о резком увеличении численности татар к XVIII в. за счет массового отатаривания «ясачных чувашей» Казанского уезда.

Положение 3. «Ясачные чувашаи» Казанского края в XVI–XVII вв. исповедовали ислам.

Доводы:

1. В писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. рядом с селениями «ясачных чувашей» упоминаются татарские кладбища¹⁵⁰. Кроме того, документом от 1673 г. зафиксирован следующий факт:

«ясачная татара» д. Ачей Зюрейской даруги Казанского уезда схоронила «мертвых чувашу», учинив «татарские мазары» (мусульманское кладбище)¹⁵¹.

2. В актовых материалах XVII в. встречаются упоминания случаев присяги «татар и чувашей» «по их вере и шерти»¹⁵². Такая форма присяги использовалась по отношению к мусульманам.

3. По отношению к нукратским «чувашам» применялся термин «агаряне», обозначавший в русских источниках мусульман¹⁵³.

Положение 4. Уже начиная с XVI в. «ясачные чувашы» говорили на татарском языке кыпчакского типа.

Доводы:

1. Язык эпиграфических памятников XV–XVII вв., расположенных на территории Казанского ханства, относится к кыпчакскому, а не чувашскому типу¹⁵⁴.

2. В документе 1644 г. зафиксирован случай, когда служилые татары переводили русской администрации речь «ясачных чувашей»¹⁵⁵, из чего следует, что «татары» понимали язык «чувашей».

3. В сочинении А.М. Курбского второй половины XVI в. чувашский «язык» (народ) локализован на правом берегу Волги¹⁵⁶.

4. О татароязычности нукратских «чувашей» может свидетельствовать именование их в некоторых жалованных грамотах «татарами»¹⁵⁷.

5. Упомянутые в источниках начала XVII в. «чувашы», переименованные в середине этого же столетия в «татар», не могли поменять язык за 30–40 лет¹⁵⁸.

Вывод: «Ясачные чувашы» XVI–XVII вв. – этносословная группа, «локализованная на основной этнической территории казанских татар, исповедовавшая ислам и говорившая на татарском языке»¹⁵⁹. Современными татарскими исследователями признано, что «под этим наименованием в документах того времени фигурировала и часть чувашского этноса»¹⁶⁰.

2.3. «Ясачные чувашы» – конфессионим

В недавних исследованиях Н.И. Егорова было предложено несколько отличное от вышеназванных толкование термина «ясачные чувашы», базирующееся на разделении болгарского населения Казанского ханства по конфессиональному признаку на «бесермян» – мусульман и «чувашей» – язычников¹⁶¹.

Положение 1. «Государствообразующий этнос» в Казанском ханстве состоял из двух этносов: татарских феодалов, имевших золотоордынско-кыпчакские корни, и болгарского населения,

численно их намного превосходившего¹⁶².

Положение 2. В первую очередь отатарилась мусульманская часть булгар («бесермены»), окончательная ассимиляция заказанских и арских «чувашей» в среде татар относится ко второй половине XVII в.

Довод: более раннее, в сравнении с термином «ясачные чуваш», исчезновение со страниц русских источников «бесермен», упоминаемых до конца XV в.

Положение 3. Левобережная группа булгаро-чувашей, упоминаемая в источниках XVI–XVII вв. под именем «ясачные чуваш», в основной своей массе сохраняла языческие верования.

Довод: «этноним “чуваш” (чув. *çăваш*) сформировался в татарском языке на базе собственно чувашского конфессионима *çăваç* “язычник”¹⁶³.

Положение 4. Булгаро-чувашское население второй половины XV – первой половины XVI в. не успело полностью перейти на татарский язык.

Доводы:

1. Формирование татарского языка началось только с образованием Казанского ханства в связи с притоком на его территорию золотоордынско-кыпчакского населения.

2. Татарский язык занимает промежуточное положение между стандартными тюркскими и чувашским языками, обусловленное его формированием на основе «булгаро-чувашского» субстрата, который “перетянул” татарский вокализм на свою сторону»¹⁶⁴. Поэтому переход «ясачных чувашей» с чувашского на татарский язык за 30–40 лет вполне возможен.

Вывод: «Ясачные чуваш» XVI–XVII вв. – этноконфессиональная группа единого постзолотоордынского булгарского этноса.

2.4. Оценка положений и доводов сторон

Подводя некоторые итоги, отметим, что современные ученые едины во мнении, что представители многочисленной группы, именуемой в документах второй половины XVI–XVII вв. «ясачными чувашами», являлись феодально-зависимым населением Казанского края, так называемым «черным людом», жившим общинами и платившим ясак и подати. Общим для татарских и чувашских исследователей является представление об ареале расселения «ясачных чувашей»: данное население в основной своей массе проживало в центральной части Казанского ханства и на правобережье Волги, а после присоединения к Русскому государству и изменения административно-территориального деления – на территории

Казанского и Свияжского уездов.

Различие точек зрения современных татарских и чувашских исследователей по данной проблеме заключается, главным образом, в разном понимании того, кем по этнической принадлежности являлись упоминаемые в источниках более позднего периода «ясачные чуваш» во времена существования Казанского ханства. Большинство чувашских и башкирских ученых придерживается мнения, что данное название являлось этнонимом, их татарские коллеги считают, что понятием «чуваш» русской администрацией обозначалось тяглое нерусское население местного происхождения, включавшее собственно чувашей, а также татар, мари и мордву. Подвергнем анализу слабые и сильные стороны озвученных точек зрения.

Безусловным преимуществом сторонников точки зрения «ясачные чуваш – этноним» является аргумент об отсутствии в источниках XVI – первой половины XVII в., исходящих как от русской администрации, так и от жителей бывшего Казанского ханства, термина «ясачные татары». Возможны два толкования этого факта: первый – татары были столь немногочисленным населением ханства, что их присутствие не получило отражения в документах, второй – татары скрыты под другим этнонимом. До настоящего момента не получил опровержения весомый аргумент о том, что селения ясачных чувашей Казанского уезда, переселившиеся в XVII в. в Нижнее Закамье, сохранили свои прежние названия и до настоящего времени являются чувашскими.

«Сильной стороной» приверженцев тезиса «ясачные чуваш – соционим» является «слабая сторона» их оппонентов: некоторые факты свидетельствуют о татароязычности если не всей, то некоторой части левобережных «ясачных чувашей» и исповедовании ими ислама. Несомненно то, что начиная с XV в. язык эпитафий на памятниках Казанского ханства относится к кыпчакскому типу, а сама традиция установления эпиграфических памятников связана с распространением мусульманской религии.

Точка зрения о конфессиональном значении термина «ясачные чуваш» в целом базируется на доказательствах, озвученных чувашскими исследователями ранее. Однако зыбкость этой версии, на наш взгляд, состоит в том, что главный ее аргумент – утверждение о формировании в татарском языке этнонима «чуваш» на базе чувашского конфессионала *çăварç* «язычник» – не является бесспорным и вызывает сомнения¹⁶⁵.

Относительно дискуссии о численности татар и чувашей,

обусловленной обоснованием тезиса об «отатаривании» чувашского населения в XV–XVI вв. и последующих столетиях, отметим следующее: исследования казанских ученых базируются на анализе динамики численности исключительно татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII–XIX вв. в сопоставлении с усредненными общероссийскими показателями, в то время как чувашскими исследователями и В.М. Кабузаном изменение численности татар и чувашей прослежено в сравнении с соседними народами (марийцами, мордвой, русскими), проживавшими в Среднем и Нижнем Поволжье, Южном и Северном Приуралье в сходных социально-экономических и природных условиях. Исходя из принципа комплексности изучения объекта картина, представленная в результате анализа численности всех народностей Среднего Поволжья, включая чувашей, на наш взгляд, является более полной и достоверной, чем выводы, основанные преимущественно на данных о численности средневожско-приуральских татар.

На наш взгляд, в свете последних публикаций, обосновывающих принятие имени «татары» поволжскими мусульманами не ранее конца XIX – начала XX в.¹⁶⁶, требует пересмотра вопрос об оправданности использования термина «отатаривание» применительно к чувашскому населению Казанского края XV–XVIII вв. и более резонном использовании термина «тюркизация».

Приведенные в пользу изложенных точек зрения аргументы, несмотря на имеющиеся в них противоречия и многовариантность толкования, бесспорно, свидетельствуют об общности болгарского наследия для чувашского и татарского народов. Данное положение должно стать лейтмотивом дальнейшего исследования проблемы «ясачных чувашей».

2.5. Перспективы изучения проблемы «ясачных чувашей»

Изучение историографии и анализ имеющихся точек зрения на проблему «ясачных чувашей» Казанского края позволяют выявить имеющиеся лакуны и возможные перспективные направления для дальнейшей разработки этой дискуссионной темы.

В условиях крайней скудости исторических источников по затронутой проблеме необходимо расширение источниковой базы исследования, возможное несколькими путями. Во-первых, это выявление и привлечение ранее не опубликованных материалов XVI–XVII вв., относящихся к истории Казанского края, в

отечественных архивах и архивах других государств, налаживание с этой целью сотрудничества с отечественными и зарубежными исследователями. Не все возможности в данном направлении исчерпаны. Так, совсем недавно башкирским историком А.Г. Салиховым был опубликован уникальный дипломатический документ первой половины XVII в., хранящийся в Стамбульском архиве и обнаруженный еще в 1970-х гг. турецким историком Акдесом Нигметом Куратом¹⁶⁷. Кроме того, необходимо выявить и привлечь письменные источники XVIII–XIX вв., содержащие сведения о населении Казанского края более раннего периода.

Во-вторых, ввиду утраты основной массы письменных документов особое значение приобретает дальнейшее изучение языковых памятников – от различных бытовых понятий, названий населенных пунктов и юридических терминов до многочисленных исторических преданий, содержащих богатый фактический материал по средневековой истории чувашского и татарского народов.

В-третьих, по-прежнему не теряют своей значимости для изучения поставленной проблемы этнографические материалы, которые «могут вскрыть некоторые стороны старой культуры, ныне уже забытые, затемненные или утраченные»¹⁶⁸.

В-четвертых, для уяснения распространения и интенсивности различных культур на территории Казанского края необходимо широко привлечь итоги археологических изысканий, относящихся к золотоордынскому и казанскоханскому периодам. В частности, большой интерес представляет сопоставление уже имеющихся результатов исследования археологических памятников на территории Чувашии¹⁶⁹ и Татарстана¹⁷⁰. Актуальным для научного сообщества остается призыв казанского археолога А.А. Бурханова «обратить внимание и на перспективы археологических исследований памятников эпохи Казанского ханства в ближайшие годы. Для этого нужно принять специальную программу по изучению памятников указанного времени и необходимо создать группу специалистов по изучению памятников периодов Улуса Джучи и Казанского ханства не только в отдельных регионах республики, а в целом Татарстане, но и за его пределами»¹⁷¹.

Основными задачами исследования проблемы «ясачных чувашей» на базе достоверных и недостаточно использованных источников, на наш взгляд, являются: 1) уточнение территории проживания татарского и чувашского населения Казанского и Свияжского уездов во второй половине XVI – XVIII в. с составлением подробных (насколько это возможно) карт, отражающих изменения в

их расселении; 2) определение приблизительной динамики численности чувашского этноса и его доли среди всего населения Казанского края с середины XVI в. по XVIII в.; 3) объяснение и аргументация положения о завершении формирования современной чувашской народности к началу XVI в., а татарской народности – к концу XVII в.; 4) выяснение языковой ситуации и прослеживание этноязыковых контактов на территории Казанского края в XV–XVIII вв.; 5) исследование процесса мусульманизации чувашей и населения Среднего Поволжья в целом в XV–XVIII вв.; 6) характеристика хозяйственных занятий, социально-экономического и политико-правового положения чувашского населения Казанского ханства и «ясачных чувашей» в составе Русского государства; 7) обоснование применения наименования «предки казанских татар» к чувашскому населению левобережья Волги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Среднего Поволжья соткана из периодов тесного взаимодействия проживающих здесь этносов – казанских татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир. В этих условиях при изучении прошлого отдельно взятого народа наиболее оправданным является подход, учитывающий существовавшие в то или иное время межконфессиональные и межъязыковые взаимосвязи. Иногда такие контакты сопровождалась сменой веры частью населения и ее переходом на другой язык, что приводило к кардинальным изменениям в образе жизни и быте и, как итог, – смене этнической идентификации. На наш взгляд, учет этнокультурных взаимовлияний необходим и при рассмотрении проблемы «ясачных чувашей» левобережья Казанского края.

Если происходившее в XVIII–XIX вв. в условиях совместной жизни стирание этнических границ между чувашами и татарами прослеживается документально¹⁷², то реконструкция этого процесса в более ранние периоды формирования этносов основана лишь на косвенных признаках. Данное обстоятельство породило многолетние дискуссии, результатом которых стало вынесение на первый план этнических, языковых, религиозных и бытовых различий татар и чувашей. «Центробежные» тенденции в изучении проблемы «ясачных чувашей», характерные для XX в., сменились более конструктивным диалогом между исследователями XXI в. Осознание того, что в

реальной жизни истина всегда находится посередине между полярными точками зрения, позволило современным ученым частично освободиться от прежних идеологических штампов в трактовке имеющегося «арсенала» фактов. В итоге позиции татарских и чувашских исследователей по некоторым аспектам поставленной проблемы сблизились, а также появились научные работы, в равной степени учитывающие аргументацию сторонников тезисов «ясачные чуваш» – этноним» и «ясачные чуваш» – соционим»¹⁷³.

Признание того факта, что «булгарское наследие для чувашей и татар является таким же общим достоянием, как Киевская Русь для русского, украинского и белорусского народов»¹⁷⁴, в перспективе должно быть дополнено подробным изучением этнических составляющих, определивших уникальность и своеобразие каждого из этносов. Каково соотношение булгаро-чувашского и золотоордынско-кыпчакского компонентов в формировании татарской и чувашской народностей? С каких пор казанские чуваш стали именовать себя татарами? Разрешение этих и других вопросов способствует раскрытию загадки «ясачных чувашей» Казанского края.

Литература и источники

- ¹ Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и политика. URL: <http://tatar-history.narod.ru/shnir.htm> (дата обращения: 28.10.2014).
- ² Воробьев И.И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66–78; Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.: Инсан, 2002. 496 с.; Шнирельман В.А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. Вып. 5 (37). С. 62–73; Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 22–30.
- ³ Милькович К.С. О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 9. С. 47–67; № 10. С. 120–139; № 11. С. 210–232.
- ⁴ Михайлов С.М. Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 144–145.
- ⁵ Юркин И.Н. Служилые татары из чуваш // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2. Инв. № 2–6. 51 с.
- ⁶ Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1905. 102 с.
- ⁷ Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В универ. тип., 1866. 261 + VII с.
- ⁸ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках: очерки по истории края и его колонизации. М.: Тип. Грачева и К°, 1877. С. 115–230.
- ⁹ Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с прил. крат. адрес. сведений. СПб.: Тип. А.А. Дубровина, 1890. С. 25–130.
- ¹⁰ Мэржани Ш. Мостэфадел-эхбар фи эхвали Казан въ Болгар. Переиздание монографии 1885 г. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 б.
- ¹¹ Халиков А.Х. История формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза татароязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–30.
- ¹² Воробьев Н.И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // **Научный журнал «История. Вопросы истории и этнографии»**. 1950. № 3. С. 66–78; Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 538 с.
- ¹³ Третьяков П.Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 44–53.
- ¹⁴ Паньков И.П. История чувашского народа (с древнейших времен до конца XVIII века): рукопись. Калинин, 1949. Отд. II. Ед. хр. 284. Инв. № 687. 145 с.; *Его же*. История чувашского народа (с древнейших времен до конца XVIII в.). Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Инв. № 792. 472 с.; *Его же*. Чуваша под властью Золотой Орды и Казанского ханства. Рукопись. Калинин, 1952. Отд. II. Ед. хр. 262. Инв. № 646. 57 с.; *Его же*. Чуваша в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 95–103.
- ¹⁵ Димитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96–118.
- ¹⁶ Кузнецов И.Д. К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. С. 119–126.
- ¹⁷ Димитриев В.Д. Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 53–58; *Его же*. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

¹⁸ *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: Изд-во. АН Латв. ССР, 1963. С. 170–183.

¹⁹ *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болотина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов; под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 5–31.

²⁰ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 25–39.

²¹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

²² Болгары и чувашаи: сб. статей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. 160 с.

²³ *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.

²⁴ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.

²⁵ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному: доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2012 год. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 31.

²⁶ *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. С. 199.

²⁷ *Юсупов Ю.М.* Волго-Уральская историко-этнографическая общность и динамика этнических процессов в рамках политической системы джучидов (предварительное сообщение) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы междунар. конф., г. Курган, 22–23 апреля 2011 г. Курган: КГУ, 2011. С. 24–29; История башкирских родов. Т. 2: Гирей / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин, Р.Р. Шахеев, Р.М. Рыскулов, А.Я. Гумерова, Г.Ю. Галеева, Г.Д. Султанова. Уфа: АОНБ ЦИИНБ “ШЕЖЕРЕ”, 2014. С. 61–74.

²⁸ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 96–118.

²⁹ *Тихомиров М.Н.* Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 50–57. (Труды Ленинград. отд-ния Ин-та истории АН СССР; вып. 7).

³⁰ *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чувашаи» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1968. Вып. 40. С. 177–187; *Ее же.* Этноним «бесермяне» // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 177–188; *Ее же.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

³¹ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 3–42.

³² *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 16–38; *Его же.* О происхождении «арских князей» и их место в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказание: проблемы истории и культуры: Материалы конференции. Казань: Заман, 1995. Вып. 1. С. 95–98; *Его же.* Арские князья и нукратские татары: (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социальной структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Фэн, 2010. 224 с.

³³ *Милькович К.С.*

- ³⁴ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 115–230.
- ³⁵ *Фирсов Н.* Указ. соч.
- ³⁶ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 115–230.
- ³⁷ *Фирсов Н.* Указ. соч.
- ³⁸ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 115–230.
- ³⁹ *Фирсов Н.* Указ. соч. С. 17.
- ⁴⁰ *Спасский Н.А.* Очерки по родиноведению: Казанская губерния. Казань: Типолитогр. Императ.ун-та, 1910. 165 с.
- ⁴¹ *Пинегин М.Н.* Указ. соч.
- ⁴² *Никольский Н.В.* Указ. соч.
- ⁴³ *Худяков М.Г.* Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани в 1565–68 гг. и 1646 г.). Л., 1932. С. VII–XXV.
- ⁴⁴ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 71–111.
- ⁴⁵ *Исхаки Г.* Идель-Урал. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 49 с.
- ⁴⁶ *Петров Д.П.* 1905-мѣш сул. Чăвашем хушшинче пулнă ёссене асăнни [1905-й год. Воспоминания о событиях среди чувашей]. Чебоксары: Чувашиздат, 1925. С. 5–21; *Его же.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 10–22.
- ⁴⁷ *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93–106.
- ⁴⁸ *Мавродин В.В.* Русское многонациональное государство и финно-угорские народы // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Л., 1948. Вып. 2. С. 33–46.
- ⁴⁹ *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1950. Вып. 4. С. 50–81.
- ⁵⁰ *Калинин Н.Ф.* Казанское ханство (XV–XVI вв.) // История Татарской АССР: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Н.И. Воробьева [и др.]. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 100–147.
- ⁵¹ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI в.): репр. воспр. канд. дис. Казань: Ихлас: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с.; *Его же.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Гос. музей ТАССР, 1958. 27 с.; *Его же.* К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. С. 89–122; *Его же.* к вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Ученые записки КГУ. Казань, 1962. Т. 122, Кн. 2. С. 143–169; Казанское ханство // Очерки истории распространения исламской цивилизации, В 2 т. М.: РОСПЭН, 2002. Т. 2. С. 144–151.
- ⁵² *Паньков И.П.* Указ. соч.
- ⁵³ *Димитриев В.Д.* О ясячном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107–115; *Его же.* К вопросу о ясяке в Среднем Поволжье // Ученые записки. Вып. 16. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. С. 278–293.
- ⁵⁴ *Воробьев Н.И.* Краткий очерк истории формирования народа, его культуры и быта // Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1: Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. С. 25–62.
- ⁵⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1. С. 53–58; *Его же.* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII века // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1981. С. 3–19.
- ⁵⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

- ⁵⁷ Чернышев Е.И. Указ. соч.
- ⁵⁸ Ермолаев И.П. Указ. соч.
- ⁵⁹ Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Право. История. Филология: сб. аспирант. работ КГУ. Казань, 1964. С. 52–70; *Его же*. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Вторая научная конференция молодых ученых города Казани 27–28 марта 1964 г.: сб. науч. работ, Казань, 1966. С. 94–110.
- ⁶⁰ Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 159 с.; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.; Галлямов Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство. С. 280–316.
- ⁶¹ Каппелер А. Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX в. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии: (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НЛГУ, 2012. С. 13–39.
- ⁶² Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 597 с.; *Его же*. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 252 с.
- ⁶³ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61–74.
- ⁶⁴ Милькович К.С. Указ. соч.
- ⁶⁵ Михайлов С.М. Указ. соч. С. 144–145.
- ⁶⁶ Юркин И.Н. Указ. соч.
- ⁶⁷ Михайлов С.М. Указ. соч. С. 144–145.
- ⁶⁸ Юркин И.Н. Указ. соч.
- ⁶⁹ Фирсов Н. Указ. соч.
- ⁷⁰ Перетяткович Г. Указ. соч. С. 115–230.
- ⁷¹ Марджани Ш. Указ. соч.
- ⁷² Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.
- ⁷³ Магницкий В.К. Нечто о чувашах, татарах и мишарях // Действия Нижегород. ГУАК. Н. Новгород, 1898. Т. 3. С. 37–50.
- ⁷⁴ Никольский Н.В. Народное образование у чуваш: ист. очерк. Казань: Центр. тип., 1906. 86 с.; *Его же*. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках: ист. очерк // Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
- ⁷⁵ Комиссаров Г.И. Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27. вып. 5. Казань: Типо лит. Императ. ун-та, 1911. С. 319–327.
- ⁷⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. С. 139–196.
- ⁷⁷ Петров Д.П. Указ. соч.
- ⁷⁸ Егоров В.Г. Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. 1950. № 3. С. 79–92.
- ⁷⁹ Андреев Н.А. Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // О происхождении чувашского народа. С. 48–70.
- ⁸⁰ Паньков И.П. Указ. соч.
- ⁸¹ Дмитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96–118.
- ⁸² Кузнецов И.Д. К вопросу о происхождении ...
- ⁸³ Дмитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX века // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47:

История, этнография, социология. Чебоксары: ЧНИИ, 1969. С. 242-246; *Его же*. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII века // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1981. С. 3–19.

⁸⁴ *Воробьев Н.И.* Краткий очерк истории формирования народа, его культуры и быта // Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. С. 25–62.

⁸⁵ *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1: Чувашские коштаны до двадцатого века. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 26–154.

⁸⁶ *Воробьев Н.И.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66–78.

⁸⁷ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.

⁸⁸ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.

⁸⁹ *Михайлов Е.П.* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 3-23.

⁹⁰ *Халиков А.Х.* Указ. соч.

⁹¹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 90–91.

⁹² *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары: Чувашия, 1997. 160 с.

⁹³ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ... С. 26–31.

⁹⁴ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61–74.

⁹⁵ *Милькович К.С.* Указ. соч.

⁹⁶ Происхождение казанских татар: Материалы сессии отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казан. филиала АН СССР, 25-26 апреля 1946 г. в г. Москве (по стенограмме). Казань: Татгосиздат, 1948. С. 116-119.

⁹⁷ *Егоров В.Г.* Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. 1950. № 3. С. 79-92.

⁹⁸ *Паньков И.П.* Указ. соч.

⁹⁹ *Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. С. 28-47.

¹⁰⁰ *Андреев Н.А.* Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // Там же. С. 48-70.

¹⁰¹ *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении ...

¹⁰² *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 378–458.

¹⁰³ *Саттаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 282 с.

¹⁰⁴ *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в писцовых книгах Казанского уезда 1602–1603 годов // межязыковое взаимодействие в Волго-Камье: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И.А. Андреев. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89–101.

¹⁰⁵ *Әхмәтжанов М.И.* Болгар телене? ызымышы (Эпиграфика материаллары буенча) // Татар археологиясы. Казан, 1998. № 1 (2). 99-120 б.; *Ахметжанов М.И.* Этноним чуваш в источниках по истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. 2. С. 196–221.

¹⁰⁶ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 91.

¹⁰⁷ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ...

- ¹⁰⁸ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 71–111; *Газиз Г.* История татар. М.: Моск. лицей, 1994. 198 с.
- ¹⁰⁹ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. 1. С. 46–147.
- ¹¹⁰ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч.
- ¹¹¹ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96–118; *Его же.* Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1. С. 53–58.
- ¹¹² *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении ...
- ¹¹³ *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству: К 450-летию вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. С. 32.
- ¹¹⁴ *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX веков // С. 242–246; *Его же.* Динамика численности чувашей в XVIII–XIX веках в сравнении с соседними народами // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары, 2004. С. 170–184.
- ¹¹⁵ *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. С. 52.
- ¹¹⁶ *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 113.
- ¹¹⁷ *Чернышев Е.И.* Указ. соч.
- ¹¹⁸ *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 454 с.
- ¹¹⁹ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М.: Наука, 2001. С. 136; *Его же.* Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 141–148.
- ¹²⁰ *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 167.
- ¹²¹ *Салихов А.Г.* Онотолган тарих биттаре. Уфа: Гилем, 2003. С. 63, 64.
- ¹²² *Юсупов Ю.М.* Указ. соч.
- ¹²³ *Мэржани Ш.* Указ. соч.
- ¹²⁴ *Халиков А.Х.* История формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза татароязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–30; *Его же.* Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 160 с.; *Его же.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 224 с.; *Его же.* Кто мы – болгары или татары? Казань: Казан, 1992. 64 с.
- ¹²⁵ *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1950. Вып. 4. С. 57; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 98–100.
- ¹²⁶ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 115–230.
- ¹²⁷ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 96–118.
- ¹²⁸ *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении чувашской народности // Там же. С. 119–126.
- ¹²⁹ *Денисов П.В.* Указ. соч.
- ¹³⁰ Болгары и чувашы: сб. статей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. 160 с.
- ¹³¹ *Каховский В.Ф.* Указ. соч. С. 378–458.
- ¹³² *Иванов В.П.* Формирование чувашской диаспоры: тезисы. Чебоксары:

ЧГИГН, 1988. 12 с.; *Его же*. Общая характеристика исторической динамики расселения и численности чувашей // Чувашки Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 12–18; *Его же*. Расселение и численность чувашей: этногеографический очерк. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 72 с.; *Его же*. Этническая история чувашей. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 68 с.; *Его же*. Этногенез и этногеография // Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. С. 12–77; *Его же*. Чувашский этнос: проблемы истории и этнографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

¹³³ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61–74.

¹³⁴ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 89–90.

¹³⁵ Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во Акад. наук, 1932. 208 с.; Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 240 с.

¹³⁶ Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во Акад. наук, 1932. 208 с.; Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 240 с.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 6447. Л. 404; Ед. хр. 6483. Л. 221–227.

¹³⁸ *Самтаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 282 с.; *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И.А. Андреев. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89–101.

¹³⁹ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. С. 39–204.

¹⁴⁰ *Димитриев В.Д.* Динамика численности чувашей в XVIII–XIX веках в сравнении с соседними народами // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары, 2004. С. 170.

¹⁴¹ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Наука, 1963. С. 72–74.

¹⁴² История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61–74.

¹⁴³ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 83.

¹⁴⁴ *Там же*. С. 81.

¹⁴⁵ *Там же*. С. 83.

¹⁴⁶ *Там же*. С. 86.

¹⁴⁷ *Ахметзянов М.И.* Указ. соч.

¹⁴⁸ *Ахметзянов Р.Г.* К значению слова чуваш (чюваш) в документах XVI–XVII веков: рукопись. // Арх. журн. «Tatarica».

¹⁴⁹ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 25–39; *Его же*. От средневековых татар ... С. 82.

¹⁵⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. С. 44, 53, 101.

¹⁵¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 134–135.

¹⁵² *Там же*. С. 19, 23.

¹⁵³ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 16–38.

¹⁵⁴ *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 144–145, 154–157; *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники: Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. Вып. 6. С. 100.

¹⁵⁵ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 51.

¹⁵⁶ Сказания князя Курбского / под ред. Н.Г. Устрялова. СПб.: Тип. Импер. АН, 1868. С. 14.

- ¹⁵⁷ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи ... С 27.
- ¹⁵⁸ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 91.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 93.
- ¹⁶¹ *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Бесермяне и чувашы – этнонимы этноконфессионального происхождения // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 146–158; *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ...
- ¹⁶² См. доводы к этому тезису в разделе 2.1.
- ¹⁶³ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ... С. 27.
- ¹⁶⁴ *Леонтьев А.П., Егоров Н.И.* Откуда мы? Куда идем? Беседы под древом познания. Чебоксары: Хыпар, 2012. Кн. 1. С. 355.
- ¹⁶⁵ *Димитриев В.Д.* Заключение // *Тафаев Г.И.* Фальсификация истории волжско-болгарской цивилизации. Чебоксары: Чувашия, 2013. С. 286.
- ¹⁶⁶ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ... С. 31–36; История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61–74.
- ¹⁶⁷ *Салихов А.Г.* Указ. соч. С. 63, 64.
- ¹⁶⁸ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М: ИНСАН, 1991. С. 10.
- ¹⁶⁹ *Михайлов Е.П.* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 3–23.
- ¹⁷⁰ *Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства // Ученые записки Татар. гос. гуманит. ин-та. 1999. Вып. 7. С. 121–132.
- ¹⁷¹ *Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства (по материалам исследований Заказанской историко-археологической экспедиции в 1995–1999 гг.) // URL: <http://www.tataroved.ru/institut/arheolog/publ/2/> (дата обращения: 21.10.2014).
- ¹⁷² *Кобзев А.В.* Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX – начале XX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 120–126.
- ¹⁷³ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61–74.
- ¹⁷⁴ *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: науч. очерк. С. 57.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. «Ясачные чуваши»: историография проблемы	4
1.1. Дискуссии по вопросу этнической идентификации	4
1.2. «Ясачные чуваши»: сословная и социально- экономическая составляющие.....	8
1.3. Конфессиональная принадлежность	11
1.4. Языковой аспект проблемы	14
1.5. Численность и территория проживания чувашского населения Казанского края в XV–XVII в	15
2. Аргументы на чашах весов	18
2.1. «Ясачные чуваше» – этноним	18
2.2. «Ясачные чуваше» – соционим	20
2.3. «Ясачные чуваше» – конфессионим	23
2.4. Оценка положений и доводов сторон	24
2.5. Перспективы изучения проблемы «ясачных чувашей»	27
Заключение.....	29
Литература и источники.....	31

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 16

ОХОТНИКОВА Светлана Валерьевна

**«ЯСАЧНЫЕ ЧУВАШИ»:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2014 год

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Д.И. Белова*

Подписано к печати 20.11.2014 Формат 60x90 ¹/₁₆,
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 1,9.
Заказ № 17. Тираж 100 экз.

Опечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29. корп. 1